

Ревность не по разуму

И. В. Петров, К. П. Обозный

Для цитирования: *Петров И. В., Обозный К. П.* Ревность не по разуму // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 4. С. 1329–1338. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.420>

Статья посвящена недавно выпущенному сборнику документов «Приказ: архив уничтожить! Прибалтийский экзархат и Псковская православная миссия в годы немецкой оккупации. 1941–1944» (авт.-сост. С. К. Бернев, А. И. Рупасов. СПб., 2016. 552 с.). Этот сборник должен был стать важной вехой в изучении деятельности православного духовенства, оказавшегося в годы Второй мировой войны на временно оккупированной нацистами территории Советского Союза, однако в реальности авторы-составители, опубликовав материалы из малодоступного ведомственного архивного хранилища, не справились с этой задачей, прежде всего не сделали к публикуемым материалам убедительных комментариев, а имеющиеся трудно назвать научными. Упомянув многие современные работы по теме и полемизируя с их авторами, они предпочли не замечать многих довольно известных фактов из церковной истории XX столетия, в связи с чем сборник пестрит ошибками и неточностями. По названию сборника, а также по многим формулировкам введения складывается вполне определенное впечатление: сборник носит чисто идеологический характер и ставит своей целью опорочить служение всего православного священства, оказавшегося на временно оккупированной территории, часто — без каких-либо точных данных о «вреде», им причиненном населению СССР в годы войны. Отсутствие прямых ссылок на документы, а также небрежное обращение с церковными терминами, показывает достаточно низкий профессионализм авторов-составителей в деле работы с публикуемыми материалами. Важно отметить, что ими был привлечен только один архив — Архив Управления Федеральной службы безопасности по Псковской области, что показывает изначальные идеологические рамки при подходе к публикации документов и выборке самих данных. Создается впечатление, что главной целью выхода сборника для его составителей, Станислава Бернева и Александра Рупасова, стала реабилитация сталинских послевоенных репрессий православного духовенства.

Ключевые слова: Сергей (Воскресенский), Псковская православная миссия, Прибалтийский экзархат, оккупация, Русская православная церковь, Вторая мировая война.

Иван Васильевич Петров — канд. ист. наук, ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, Университетская наб., 7–9; i.petrov@spbu.ru

Ivan V. Petrov — PhD in History, Assistant, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaia nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; i.petrov@spbu.ru

Константин Петрович Обозный — канд. ист. наук, зав. кафедрой церковно-исторических дисциплин, Свято-Филаретовский православно-христианский институт, Российская Федерация, 105062, Москва, Покровка, 29; suhoput2006@yandex.ru

Konstantin P. Obozyi — PhD in History, Head of Department of Church-Historical Disciplines, St. Philaret's Christian Orthodox Institute, 29, Pokrovka str., Moscow, 105062, Russian Federation; suhoput2006@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2018

Jealousy not from mind

I. V. Petrov, K. P. Oboznyi

For citation: Petrov I. V., Oboznyi K. P. Jealousy not from mind. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2018, vol. 63, issue 4, pp. 1329–1338. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.420> (In Russian)

The object of this article is a review of the recently published collection of documents — “Order: The Archive to destroy! The Baltic Exarchate and the Pskov Orthodox Mission during the years of the German occupation of 1941–1944” (S. K. Bernev, A. I. Rupasov. SPb., 2016. 552 p.) The collection was supposed to be one of the important milestone in the study of the activities of the Orthodox clergy on the areas of the Soviet Union, temporarily occupied by the Nazis, during War War II. But in reality, the authors-writers, published materials from inaccessible departmental archives without good scientific comments. They preferred did not involve many fairly well-known facts from the Church history of the twentieth century, that’s why collection of documents became a book with many errors and inaccuracies. From the title of the collection, and also because of many formulations cited in the introduction, there is a very definite impression that, first of all, the collection is purely ideological in character and aims to discredit the ministry of all orthodox priesthood in the temporarily occupied territory, often without bringing any accurate data on the harm caused by the Orthodox clergy to the population of the USSR during the war years. The absence of direct references to documents, as well as the careless treatment of church terms, showing a low professionalism of authors-compilers in the work on the produced material. It is important to note that they have only one archive: The Archive of the Federal Security Service of the Pskov region, which shows the initial ideological framework when approaching the publication of documents and sampling the data itself. It seems that the main goal of the compilation for its compilers, Stanislav Bernev and Aleksander Rupasov, is the rehabilitation of Stalin’s post-war repression against the Orthodox clergy.

Keywords: Sergiy (Voskresenskiy), Pskov Orthodox Mission, Baltic Exarchate, occupation, World War II, Russian Orthodox Church.

История Православной церкви на временно оккупированной территории, как и сама тема жизни советского населения под оккупацией, до сих пор не может оставить равнодушными многих исследователей и специалистов. Вспоминаются в связи с этим первые попытки иностранных ученых Дмитрия Поспеловского, Александра Даллина, Василия Алексеева и Феофана Ставру Харви Фейрисайда восстановить правдивую нить жизни православного населения на временно занятой нацистами территории СССР¹. В начале 1990-х годов их наработки подхватили и существенно развили российские и зарубежные ученые младшего поколения — А. А. Корнилов, А. В. Гаврилин, протоиерей Георгий Митрофанов² и некоторые другие.

¹ *Поспеловский Д. В.* Русская Православная Церковь в 20 веке. М., 1995; *Dallin A.* German Rule in Russia. 1941–1945. A Study of Occupation Policies. New York, 1957; *Alekseev W., Stavrou T.* The Great Revival. The Russian Church under German Occupation. Minneapolis, 1976; *Fireside H.* Icon and Swastika. Cambridge, 1971.

² *Корнилов А. А.* Преображение России: о православном возрождении на оккупированных территориях СССР (1941–1945). Н. Новгород, 2000; *Гаврилин А. В.* Под покровом Тихвинской иконы. Архипастырский путь Иоанна (Гарклавса). СПб., Тихвин, 2009; *Митрофанов Г., прот.* Русская Православная Церковь на историческом перепутье XX века. М., 2011.

Но помимо плодотворной и крайне важной работы по выявлению новых источников, написанию статей и обобщающих работ по вышеназванной теме стали выходить книги, в которых исследователи и публицисты пытаются представить некий иной — как им кажется, более «правдивый» взгляд на историю православных приходов на временно оккупированных территориях. Чаще всего эти авторы являются продолжателями «советских концепций» или же работниками тех ведомств, которые в свое время принимали непосредственное участие в гонениях Православной церкви и православного священства. В первую очередь авторов подобного типа, безусловно, интересует проблема сотрудничества представителей Православной церкви с органами немецкого СД, антипатриотичная, с их точки зрения, а иногда и напрямую «предательская» позиция руководства Прибалтийского экзархата и Псковской миссии. Данные подходы отнюдь не новы, меняются только ретрансляторы данных тезисов, более того, подобные воззрения исходят из одних и тех же ведомственных дверей.

Однако за последние годы историки данного «направления» существенно поменяли тактику. Так, если раньше они публиковали собственные монографии и статьи, якобы разоблачающие православных пастырей, возрождавших религиозную жизнь после 25-летия гонений, то теперь они предпочитают, чтобы за них «говорили» документы, в большинстве своем недоступные для рядового исследователя (из ведомственных российских архивов). Своеобразным почином в этом стал вышедший в 2015 г. в издательстве «РОССПЭН» массивный трехтомник под тенденциозным заглавием «Генерал Власов. История предательства»³ под редакцией А. Н. Артизова. Следует признать, что, несмотря на вполне определенную идеологическую направленность введения к этому изданию, составителями был проделан весьма впечатляющий труд по сбору документов, раскрывающих тему, хотя их отбор происходил, к сожалению, весьма однобоко. Следует отметить и удачное полиграфическое исполнение данного сборника документов.

Постарались не отстать от своих московских коллег и петербургские исследователи. Однако если «москвичи» выбрали в качестве объекта критики генерала А. А. Власова, в городе на Неве под прицел попали представители Православной церкви. Нетрудно догадаться, что новая работа вышла из-под тяжелой руки хорошо известного ветерана спецслужб С. К. Бернева. Для придания комментариям значимости в помощь себе он привлек петербургского историка, ведущего научного сотрудника Института истории, доктора исторических наук Александра Ивановича Рупасова. Сборник документов вышел в свет под крайне претенциозным, но в то же время привлекающим потенциального читателя названием «Приказ: архив уничтожить! Прибалтийский экзархат и Псковская православная миссия в годы немецкой оккупации. 1941–1944»⁴. Как отмечают авторы-составители, опубликованные в сборнике документы представляют собой архив канцелярии экзарха Прибалтики митрополита Литовского и Виленского Сергия (Воскресенского). Этот архив должен был быть уничтожен по заданию И. Д. Гримма сотрудником канцелярии митрополита Анатолием Михайловичем Котоном (впоследствии казненным

³ Генерал Власов: история предательства. В 2 т., 3 кн. М., 2015.

⁴ Приказ: архив уничтожить! Прибалтийский экзархат и Псковская православная миссия в годы немецкой оккупации. 1941–1944 / авт.-сост. С. К. Бернев, А. И. Рупасов. СПб., 2016.

по решению суда советскими властями), однако последний сделать это в связи со стремительным наступлением Красной Армии не успел.

Каждый из двух публикуемых бюллетеней управления контрразведки СМЕРШ 3-го Прибалтийского фронта состоит, как пишут А. И. Рупасов и С. К. Бернев, из двух блоков: первый содержит анализ переведенных и тематически подобранных документов в виде обзорной справки, второй — это сами документы, на основе которых делали выводы представители советских карательных органов. Первая часть публикуемых документов озаглавлена «Экзархат и германские контрразведывательные органы», вторая — «Экзархат — активный пособник германских оккупационных властей и сподвижник изменнических формирований Власова (РОА)». Если верить авторам-составителям, то 3 мая 1945 г. публикуемые бюллетени были отправлены начальником управления контрразведки СМЕРШ 3-го Прибалтийского фронта генерал-лейтенантом М. И. Белкиным начальнику управления НКГБ СССР по Ленинградской области комиссару Госбезопасности третьего ранга П. Н. Кубаткину для оперативного использования.

Та терминология, которая фигурирует в советских документах, перекочевывает в авторский текст (чего стоит характеристика НТСНП — Национально-трудового союза нового поколения как «белогвардейской и террористической организации!»). Еще более удивляют суждения авторов введения по поводу религиозности в предвоенном Советском Союзе: они вдруг решили оценивать место Православной церкви в жизни граждан не по количеству прихожан православных церквей, а по переписи населения 1937 г. Складывается стойкое впечатление, что почтенные исследователи крайне слабо представляют себе особенности христианской богослужебной практики, приходской жизни, в чем существенно уступают даже своим советским «антирелигиозным» предшественникам и наставникам⁵. Естественно, ни статистики разрушенных храмов, ни фактов довоенных репрессий на территории как всего Советского Союза, так и трех балтийских республик, составители не приводят, а бегло упоминают лишь о «потоке атеистической литературы». Видимо, А. И. Рупасов и С. К. Бернев считают данные репрессии оправданными и не находят нужным даже их упомянуть.

В обзоре историографии по тематике Экзархата и миссии авторы отмечают, что работы З. В. Балевица, Я. Я. Веверса, Г. Геродника⁶ — небольшие исследования, и воспринимать их всерьез и подробно анализировать нет смысла. А вот работы тех историков, с которыми А. И. Рупасов и С. К. Бернев не согласны, они предпочитают анализировать гораздо подробнее. В некоторых из этих работ доктор исторических наук и бывший начальник архива УФСБ по СПб и ЛО⁷ пытаются обнаружить апологетику, как им кажется, «пронацистской» линии пропагандистской работы экзарха Сергия (Воскресенского), при этом отказывая читателям в возможности ознакомиться с выходящими из-под пера митрополита Литовского и Виленского

⁵ Бернев С. К., Рупасов А. И. Введение // Приказ: архив уничтожить! Прибалтийский экзархат и Псковская православная миссия в годы немецкой оккупации. 1941–1944 / авт.-сост. С. К. Бернев, А. И. Рупасов. СПб., 2016. С. 4.

⁶ Балевиц З. В. Православная церковь Латвии под сенью свастики (1941–1944). Рига, 1967; Веверс Я. Я. Православная духовная миссия — агентура немецкой разведки (материал в помощь лектору). Рига, 1973; Геродник Г. Правда о Псково-Печерском монастыре. М., 1963.

⁷ Управление Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

материалами — для лучшего понимания особенностей выживания православного духовенства в XX в. Тезис о том, что в случае «возобновления канонической самостоятельности православных церквей Эстонии, Латвии и Литвы» Прибалтийский экзархат оккупационной администрации не понадобится, не выдерживает никакой критики. Авторы, видимо, забыли, во-первых, о том, что даже автономной юрисдикции Литовской православной церкви под омофором Константинополя создать до 1941 г. не удалось, а во-вторых, что германская оккупационная администрация не была заинтересована в распространении православия среди балтийских народов и воссоздавать сильную Эстонскую и Латвийскую православные церкви явно не хотела, тем более в лоне зависимого от политики Великобритании Константинопольского патриархата. Более того, подчеркнуто уважительное отношение германцев к иерархам и священникам Московского патриархата, которое контрастировало с преступной политикой сталинизма по отношению к Православной церкви в СССР и давало Третьему рейху несомненные дивиденды в пропагандистском противостоянии.

В вопросе о вероятности «советского следа» в убийстве митрополита Сергия (Воскресенского) с авторами можно согласиться в том, что действительно полного комментария по этой проблематике до недавнего времени не существовало — до появления статьи Регины Лаукайтите⁸. Ерничание же почтенных господ по поводу некой «фотосессии партизан» на месте убийства владыки Сергия остается на их совести. Легко представить, сколько подобная юмористическая заметка доставила авторам счастливых минут⁹.

А. И. Рупасов и С. К. Бернев использовали и еще один излюбленный с советского времени способ дискредитации православного духовенства — представили позицию балтийского духовенства как предательскую, «продажную», приправив свое изложение цитатами из посланий митрополита Сергия (Страгородского), стоявшего на позициях советского патриотизма и вынужденного резко критиковать оказавшееся на оккупированной территории православное духовенство. Что касается заявлений о том, что в период своего короткого заключения экзарх не мог знать о возрождении религиозной жизни на территории Северо-Запада России, то оно кажется по меньшей мере смехотворным. Он прекрасно знал, находясь на вершине управления Русской церковью, каков процент скрыто православного населения еще остался в России и как хотят эти запуганные советскими репрессиями люди религиозного возрождения. В связи с этим действительно надо было торопиться, так как в противном случае часть территории Северо-Запада могли взять под свой контроль представители других христианских конфессий, как это и случилось, или автокефалы, тогда еще не заявившие о себе.

Разочарование в нацистской религиозной политике пришло очень быстро. Следует понимать, что после сталинских репрессий в Балтии православное духовенство было той частью общества, которая надеялась, что антирелигиозная истерия будет остановлена. К Власову же здесь относились не как к части немецкой пропагандистской машины¹⁰, а как к альтернативе, способной привести к возрож-

⁸ Лаукайтите Р. Литовская православная епархия под властью митрополита Сергия (Воскресенского). 1941–1944 // Православие Балтии. 2015. № 3 (12). С. 97–109.

⁹ См.: Бернев С. К., Рупасов А. И. Введение. С. 10.

¹⁰ См., напр.: Там же. С. 12.

дению новой, небольшевистской России, на территории которой будет установлена реальная, а не мнимая свобода совести.

Не смогли обойти С. К. Бернев и А. И. Рупасов в своем критическом запале и труды священника Ильи Соловьева и К. П. Обозного. Последнего составители упрекают в том, что он либо не замечает проявлений коллаборационизма среди представителей Псковской православной миссии, либо вообще их оправдывает. Более того, они не гнушаются и очередных насмешек: не к месту вставляют едкие, хотя и достаточно детские комментарии по примеру характеристики немцев как «культурных людей и гуманистов»¹¹. Иногда кажется, что комментарии подготовили не доктор исторических наук и сотрудник ФСБ в отставке, а ученики средней школы.

Далее неоднократно встречается купирование публикуемых документов, что никаким образом не объяснено. Возможно, документы изначально оказались в архиве с определенными утратами текста. Другое дело, если авторы-составители сами принимали решение о целесообразности полной или частичной их публикации. Например, интереснейшие документы — меморандум экзарха Сергия «Положение русского населения на территории Латвии» от 27 апреля 1942 г. и меморандум, связанный с деятельностью «Бюро по делам русского населения в Литве», опубликованы со значительными и неоднократными сокращениями¹². Такой же участи не избежали письма из Парижа (май, ноябрь 1943 г.) митрополиту Сергию (Воскресенскому), затрагивающие в том числе вопрос установления контактов экзарха с парижскими церковными кругами и его возможного визита в Париж. Если сокращения предприняты авторами-составителями, то можно только догадываться, что не вписалось, по их мнению, в общую «обличительную» концепцию издания. Если это так, то можно предположить, что в данной книге опубликован далеко не весь корпус документов канцелярии Экзархата, изъятый сотрудниками СМЕРШа осенью 1944 г.

Еще одним недостатком сборника можно признать наличие досадных ошибок, серьезным образом искажающих смысл документов, составленных сотрудниками Государственной безопасности. Этот факт можно списать на недостаточный уровень грамотности сотрудников, переведивших документы на русский язык и составивших аналитические справки, причем грамотности как общей, так и в области церковной терминологии и основных положений православной традиции. Например, в тексте написано «о схематических автокефалиях»¹³, а должно быть «о схизматических автокефалиях», в биографии прот. Кирилла Зайца сказано, что он в 1917 г. «был назначен членом всероссийского церковного консилиума»¹⁴, а более точно звучало бы «прот. Кирилл был избран делегатом Всероссийского Поместного собора в Москве». В тексте воззвания «Православным людям в Литве, Латвии и Эстонии», которое было принято и подписано на архиерейском совещании в Риге под председательством экзарха Сергия в апреле 1944 г., также допущена ошибка. В той части воззвания, где участники совещания обращаются к православной пастве с призывом не доверяться советской пропаганде о якобы произошедших из-

¹¹ Там же. С. 13–14.

¹² Приказ: Архив уничтожить! С. 3–30, 332.

¹³ Там же. С. 86.

¹⁴ Там же. С. 120.

менениях в религиозной политике Кремля, в частности, говорится: «Можно ли думать, что после 25 лет свирепого преследования Церкви большевики вдруг стали Ее поборниками... Было бы безумием поверить этому — Сталин не Савл и Павлом не станет»¹⁵. В тексте, опубликованном в сборнике, вместо иудейского имени апостола Павла ошибочно вставлено имя Савва¹⁶, что совершенно искажает смысл оригинального текста, подчеркивающего несостоятельность идеологических домыслов о покаянии и возвращении к православию И. В. Сталина.

Эти и другие подобные недочеты вполне могли быть исправлены, если бы авторы-составители озаботились составлением подробных комментариев к текстам документов. Есть пробелы и в именном указателе, который призван облегчить поисковые задачи читателей и исследователей, но, к сожалению, страдает неполнотой и поверхностностью: не указаны даты жизни, полные имена и отчества, духовный сан сотрудников и церковнослужителей Псковской миссии и Прибалтийского экзархата: прот. Ильи Богданова, свящ. Кирилла Борозденкова, архим. Агафона (Бубица), Игоря Петровича Булгака, прот. Николая Быстрякова, прот. Сергия Василевского и многих других. Это тем более странно, что более полная информация об этих и других людях была в свое время собрана и опубликована проф. М. В. Шкаровским¹⁷.

Все сказанное свидетельствует о том, что у авторов-составителей сборника совсем не было цели подготовить качественное научное издание документов, предусматривающее критические подходы к ним и возможности интерпретации, исходя из принципа исторической объективности. Подлинная цель авторов раскрывается во введении и предисловии к публикуемой в сборнике «Докладной записке Управления НКГБ по Ленинградской области. 1944 г.». Здесь читатель вновь и вновь столкнется с некомпетентностью и неприкрытой идеологизацией. На первой же странице введения без тени сомнений утверждается, что православных священников, служивших на оккупированной Псковщине, вряд ли возможно назвать миссионерами, поскольку они совершали свое служение среди русского народа, в своем большинстве сохранившего религиозные чувства¹⁸. Автор введения, по-видимому, запямятовал или не знал, что к началу войны на территориях Северо-Запада России практически не оставалось действующих православных приходов. Дети, молодежь и люди среднего возраста были пропитаны безбожной пропагандой. Епископы и духовенство были физически уничтожены или находились в тюрьмах и лагерях. Самое же главное — для основной массы населения СССР было недоступно Священное Писание, многие даже не знали о его существовании. Сам факт принадлежности к Православной церкви являлся достаточным поводом для репрессий. Поэтому восстановление церковно-приходской структуры, евангелизация и духовное просвещение стали главным миссионерским делом духовенства на оккупированных территориях Ленинградской области.

¹⁵ Воззвание архиерейского совещания в Риге «Православным людям в Литве, Латвии и Эстонии» // Русский Вестник (Рига). 1944. № 42 (66). 8 апр., суббота.

¹⁶ Приказ: Архив уничтожить! С. 308.

¹⁷ Шкаровский М. В., Соловьев Илья, свящ. Церковь против большевизма. (Митрополит Сергий (Воскресенский) и Экзархат Московской Патриархии в Прибалтике. 1941–1944 гг.). М., 2013. С. 293–295.

¹⁸ Бернев С. К., Рупасов А. И. Введение. С. 3–4.

Другое недоразумение связано с якобы каноническим нарушением, которое допустил экзарх Сергей, направив православных миссионеров из Риги в Псков, который тогда входил в Ленинградскую епархию и подчинялся митрополиту Алексию (Симанскому). Это высказывание подтверждает слабое знание авторами сборника церковной истории XX в. и, в частности, очень отдаленное представление о том, что написано в работах их оппонентов, которых они упоминают во введении в весьма критическом ключе. Дело в том, что еще 20 ноября 1920 г. на соединенном заседании Священного Синода и Высшего церковного совета под председательством патриарха Тихона был подписан указ о децентрализации, согласно которому православные епархии и целые митрополичьи округа в период военных смут и общественно-политических потрясений, потерявшие по тем или иным причинам связь с высшей церковной властью в Москве, имели право переходить на временное автономное управление, т. е. брать на себя всю полноту церковной власти до восстановления единства с церковным центром. Наряду с этим правящий архиерей такой церковной области, отрезанной от церковного центра, мог духовно окормлять соседние епархии (или их части), в случае если они оставались без собственного церковного руководства. Именно такая ситуация сложилась летом 1941 г., когда Ленинградская епархия оказалась разделенной линией фронта, причем правящий епископ находился в Ленинграде и никак не мог повлиять на развитие церковной жизни на оккупированных территориях. Экзарх Сергей (Воскресенский) в своих обращениях и меморандумах, объясняя решение об образовании Псковской миссии, неоднократно ссыался на Патриарший указ № 362. Таким образом, вся деятельность Прибалтийского экзархата и его руководителя не выходила за юрисдикционные рамки, что во многом способствовало активной и плодотворной миссионерской работе на оккупированных территориях Северо-Запада России.

Для подкрепления своей позиции авторы-составители сборника используют авторитет архиерейского собора, состоявшегося в Москве 8 сентября 1943 г. В тот день был избран патриарх Сергей (Страгородский) и принято за подписью всех епископов, участвовавших в соборе, воззвание «Осуждение изменников вере и отечеству». В этом воззвании, адресованном церковнослужителям оккупированных немцами советских территорий, было сказано: «...Всякий виновный в измене общецерковному делу и перешедший на сторону фашизма... да числится отлученным, а епископ или клирик — лишенным сана»¹⁹. Именно эти слова, по мнению С. К. Бернева и А. И. Рупасова, как нельзя лучше передавали церковное суждение о деятельности Прибалтийского экзархата и Псковской миссии. Однако сегодня хорошо известно и документально доказано, что особую заинтересованность в этом воззвании выказало советское правительство, а за массовое тиражирование и распространение данного документа, в том числе на оккупированных территориях, взялся Наркомат внутренних дел. Немногие знают, что в апреле 1944 г. Священный Синод вынес постановление о признании действительности и ответственности рукоположений, совершенных в период немецкой оккупации экзархом Сергием и его викарными епископами²⁰. Этот акт в каноническом смысле отменял действие воззвания от 8 сентября 1943 г., а значит, признавал церковную деятель-

¹⁹ Обращение участников собора епископов в Москве 8 сентября 1943 года «Осуждение изменников вере и отечеству» // Журнал Московской Патриархии. 1943. №1. С. 16.

²⁰ Шкаровский М. В. Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2002. С. 358.

ность и Прибалтийского экзархата, и Псковской миссии не только целесообразной, но и церковно-полезной. В свою очередь, воззвание архиерейского собора 1943 г. можно назвать вынужденным и, по сути дела, пропагандистским, навязанным церковному руководству в Москве в рамках начавшегося «нового» курса сталинской религиозной политики.

Следует специально остановиться на еще одном весьма спорном утверждении авторов: о том, что публикуемые материалы канцелярии Экзархата и аналитические записки сотрудников СМЕРШа имеют чрезвычайно важное значение для раскрытия подлинного значения деятельности Прибалтийского экзархата и Псковской православной миссии. Они якобы в корне отличны от тех материалов, которые были использованы на процессе в отношении членов Управления Псковской миссии в январе 1945 г. Более того, поскольку эти документы не были приобщены к судебному-следственному делу, то это «впоследствии и привело в 1956 г. к неправомерной реабилитации обоснованно осужденных фигурантов дела»²¹. Действительно, в период хрущевской «оттепели» была проведена проверка законности вынесенного в январе 1944 г. обвинительного приговора в отношении прот. Кирилла Зайца и других сотрудников Управления миссии. В результате этой проверки было установлено, что следствие проводилось с грубыми нарушениями «социалистической законности»: на подследственных оказывалось моральное и физическое воздействие, следователи использовали лжесвидетельства и тем самым фальсифицировали материалы следственного дела. Главное обвинение в причастности указанных лиц к сотрудничеству с немецкой разведкой также было опровергнуто — после того, как было установлено, что «по сообщениям центральных архивных учреждений, данных о связях Зайц, Жунда, Шенрок, Воронова, Амозова, Перминова и Радецкого с немецкой разведкой не имеется»²².

При сравнительном анализе документов из следственного дела 12–15 января 1945 г. и материалов, опубликованных в рецензируемом сборнике, существенной разницы — с точки зрения «антисоветской деятельности» членов миссии — совершенно нет. Обвинения, предъявленные на суде в 1945 г., были довольно тяжелыми: все осужденные миссионеры получили максимальные сроки отбывания наказания — 15 и 20 лет заключения в исправительно-трудовых лагерях, а вернее, каторжных работ. Учитывая тот факт, что прот. Кириллу Зайцу на момент вынесения приговора исполнилось 75 лет, двадцатилетняя каторга была равносильна для него высшей мере наказания. Отец Кирилл не дожил до своего 80-летия 9 месяцев и скончался в заключении в пос. Долинка Карлага в октябре 1948 г. Вся его вина заключалась в том, что он не пошел на сотрудничество с советской разведкой в конце 1943 г. в Пскове, а главное, так и не стал советским человеком, сохраняя верность церкви, что само по себе расценивалось как антисоветская деятельность.

Таким образом, хорошо видно, что авторы-составители сборника «Приказ: архив уничтожить! Прибалтийский экзархат и Псковская православная миссия в годы немецкой оккупации», выдавая документы канцелярии Экзархата за сенсационное открытие, фактически выступают за очередной пересмотр следственных дел ныне почивших миссионеров и дереабилитацию сотрудников Управления Псковской миссии и многих других священно- и церковнослужителей Прибалтики

²¹ Бернев С. К., Рупасов А. И. Введение. С. 18.

²² АУФСБ РФ по Псковской области. Д. АА 10676. Т. 7. Л. 191–194.

и Северо-Запада России. В год, когда отмечается столетие трагического октябрьского переворота и вспоминают восьмидесятилетие Большого террора, развязанного сталинским правительством в отношении широких слоев советских граждан, попытки С. К. Бернева и А. И. Рупасова вновь обвинить православных миссионеров в несуществующих преступлениях не только очень далеки от подлинного научного исследования, представляют собой идеологический выпад, но и звучат как прямой призыв к оправданию сталинских репрессий и геноцида в отношении лучших представителей русского народа.

References

- Alekseev W., Stavrou T. *The Great Revival. The Russian Church under German Occupation*. Minneapolis, Burgess Publishing Company, 1976, 229 p.
- Balevic Z. V. *Pravoslavnaia tserkov' Latvii pod sen'iu svastiki (1941–1944)*. Riga, Zinatne Publ., 1967, 92 p. (In Russian)
- Bernev S. K., Rupasov A. I. *Vvedenie. Prikaz: arkhiv unichtozhit! Pribaltiiskii ekzarhat i Pskovskaia pravoslavnaia missiia v gody nemetsoi okkupatsii. 1941–1944*. St. Petersburg, Art-Exspress Publ., 2016, 552 p. (In Russian)
- Dallin A. *German rule in Russia. 1941–1945. A study of occupation Policies*. New York, St. Martin's Press, 1957, 695 p.
- Fireside H. *Icon and Swastika*. Cambridge, Russian Research Center Studies, 1971, 242 p.
- Gavrilin A. V. *Pod pokrovom Tikhvinskoi ikony. Arkhipastyrskii put' Ioanna (Garklavsa)*. St. Petersburg, Alaborg Publ., 2009, 464 p. (In Russian)
- Gerodnik G. I. *Pravda o Pskovo-Pecherskom monastyre*. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1963, 111 p. (In Russian)
- Kornilov A. A. *Preobrazhenie Rossii: o pravoslavnom vozrozhdenii na okkupirovannykh territoriiakh USSR (1941–1945)*. N. Novgorod, N. I. Lobachevskii State University, Faculty of History Publ., 2000, 192 p. (In Russian)
- Laukajtite R. *Litovskaia pravoslavnaia eparhiia pod vlast'iu mitropolita Sergiia (Voskresenskogo). 1941–1944. Pravoslavie Baltii*, 2015, no. 3 (12), pp. 97–109. (In Russian)
- Mitrofanov G, prot. *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' na istoricheskom pereput'e XX veka*. Moscow, Arefa Publ.; Lepta kniga Publ., 2011, 272 p. (In Russian)
- Pospelovskii D. V. *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' v 20 veke*. Moscow, Respublika Publ., 1995, 509 p. (In Russian)
- Shkarovskii M. V. *Natsistskaia Germaniia i Pravoslavnaia Tserkov'*. Moscow, Krutitskoie podvor'ie Publ., 2002, 521 p. (In Russian)
- Shkarovskii M. V., Solov'ev I., sviashh. *Tserkov' protiv bolshevizma*. Moscow, Material for Church History Publ., 2013, 416 p. (In Russian)
- Vevers Y. Y. *Pravoslavnaia duhovnaia missiia — agentura nemeckoi razvedki (material v pomoshh' lektoru)*. Riga, Obshchestvo "Znanie" LSSR Publ., 1973, 22 p. (In Russian)

Received: May 24, 2018

Accepted: September 10, 2018